

Екатерина РУДИК

БОЕВАЯ ПОДРУГА ПИСАТЕЛЯ КЛИПЕЛЯ

**Книга белая.
Все тайны в нас**

Они идут рука об руку по жизни 55 лет. Их повенчала война и как бы в отместку за тяжкие испытания, вопреки пережитым бедам, эта удивительная по силе любви, духовной близости семейная пара по сей день не утратила бережного, трепетного отношения друг к другу, к жизни, созидательному творчеству, когда познана чарующая красота дерева, слова, камня, составляющая смысл бытия главы семьи В.И.Клипеля.

А семья – четверо детей, десять внуков, есть правнуки и все рядышком. Эпицентром семьи Клипелей, нешумно диктующим погоду в доме, причем только ясную, солнечную, всегда оставалась жена писателя.

Впрочем, тогда, после Витебской операции, близ литовской полувыгоревшей деревни Иодайце, где судьба свела их, старший лейтенант медицинской службы 20-летняя Марийка Бойко о писательском даре будущего супруга гвардейца-майора не догадывалась, как и он сам. Не до того было. Под шрапнельными прыгающими минами, под гибельной вой зениток Марийка спасала раненых. А после армейских разведкурсов вела солдат в самое пекло на поиски языка.

В истории Красной Армии был единственный случай, – это стало известно позже из архивов, - когда разведывательным взводом командовала женщина. Ею была М.Бойко, девчонка из украинской глубинки, села Рубаный Мост. Она ребенком осталась без мамы, в четырнадцать лет с деревянным чемоданом, набитым учебниками, где пешей, где с оказией отправилась в большой город Киев учиться, а в шестнадцать добровольцем бесстрашно шагнула в войну.

Маленькая, скульптурной стройности и хороша собой до обалдения. Так что в 5-м гвардейском стрелковом корпусе не было таких, кого еще раз, как бы невзначай, не повлекло заглянуть в ее спокойные цвета мягкой бирюзы глаза. Прослыш недотрогой, Марийка игнорировала ухаживания: у «статуетки» оказалась рука тяжелая. О замужестве не помышляла, лелеяла мечту в мирные дни учиться. В вещие сны не верила. И скажи ей, что в плащ-палатке, длинноногий, худоба, пришедший к ней во сне, реален, существует, - никогда не поверила бы. Да если и так, суженый, как расшифровала сон фронтовая подруга, офицер-гвардеец Шура Ребрина, - такой долговязый ей совсем ни к чему. А получилось очень даже к чему, и на всю жизнь.

После Брасдорфа, что на Земландском полуострове, где за два месяца до Дня Победы Клипели отпраздновали скромную свадьбу, их в составе 39-й армии перебросили на Дальний Восток. Но сколько на дорогах войны Марийка насмотрелась таких фронтовых свадеб, подчас мимолетных, не обязывающих. Случай представился им зарегистрироваться в Хабаровске.

Даже при изрядной фантазии нынешним молодоженам трудно представить тот свадебный кортеж, что выпал на долю Клипелям по пути к ЗАГСу. Это было уже в Порт-Артуре. После выполнения ответственного боевого задания В.И.Клипелю дали трехдневный отпуск для регистрации брака в родном Хабаровске, где семь лет он не видел отца с матерью. Пассажирские поезда не ходили – свирепствовала холера, добирались на товарниках, а когда, считай, полпути было преодолено, дальше хода по железной дороге не оказалось. В местном автобате в рейс выходила траурная колонна – везли павших солдат. Их, прикрытых в кузове рогожами, на несметных дорожных ухабах подбрасывало вместе с единственным живым пассажиром. Ветер срывал рогожки. Сидящей в кабинке невесте, на кителе которой под шинелью тяжелел орден Отечественной войны 1 степени, было не по себе. Но на войне за четыре года такого насмотрелась, что девчоночий страх могла унять.

А вот в первые пять мирных лет наступали такие лихие минуты, что малодушная, менее терпеливая вряд ли выдержала. Какая, спрашивается, мать может спокойно взирать, что ее дитя так оголодало, что в два года на ножки не встает – дистрофия. Добытая ложка рыбьего жира – как дар небес, так же, как пара печеных картошек. Жили без собственного угла, подчас без хлебных карточек. Молодым супругам война не дала доучиться. Художественные мастерские 20-летний Владимир Клипель сменил на солдатскую казарму. Оттремел салют Победы, вся грудь в орденах, а снял военную форму и кормильцем не назовешь. Рисунок, кисть влекли к себе, пробуждался интерес к слову, и пережитое на войне, боль и подвиг, в живых образах неистребимо призывало к перу. Но сначала надо было думать, как семью прокормить.

За первые пять лет после войны у Марии Иосифовны было уже трое детей. И поняла, что глава семьи добродетельной сиделкой при них не будет. Это же надо, родилась старшая, а папка увидел ее, уже любя, вместо того, чтобы в восхищении взять на руки – за пилотку, ведра и к колонке за водой. Потом оправдывался, что, мол, боится своими ручищами к такому хрупкому сокровищу прикоснуться. Одним словом, дети с их пеленками, ночным плачем, болезнями были сугубо ее прерогативой. А еще и работа. В поисках ее и жилья два года мыкались по свету. Спасибо добрым людям! В Хабаровске на Пехотном (ныне район 56-й школы) наконец-то устроилась участковым фельдшером.

Балетка со стерильными шприцами всегда при ней. Могли вызвать днем и ночью, машин «скорой помощи» тогда не было. Возвращалась под утро, стирала, мыла, готовила. Находила свежую стопку клубных киноафиш, на обороте которых муж писал свой первый роман. В крохотной комнатухе и стола рабочего не было. Его заменяла планшетка на коленях, а чернильница – флакончик из-под пенициллина всегда при себе. И как умудрялся не пролить чернила в нагрудном кармане, оставалось для Марийки загадкой. А вскоре художнику-оформителю офицерского клуба В.И.Клипелю предоставили, хотя снова в коммуналке, целые две комнаты. И здесь произошла сцена, достойная пера Зощенко. Прознав, что комнатуха освобождается, две семьи соседей, тоже офицеры запаса не спали ночь, разрабатывая план атаки на освободившуюся жилплощадь – кто первый овладеет, и на подступах к дверям пустили в ход шифоньеры. Выйти с узлами невозможно, уговоры не помогают, дети плачут, грузовик ждет. И тогда Мария Иосифовна хватает из узла лампочку и, как гранату, бабахает ею об пол. От тихой, интеллигентной соседки подобного не ожидали, шифоньеры поползли на исходные позиции.

Да сколько в прожитой жизни было таких ситуаций, когда духовная сила этой маленькой женщины, обожженной войной, оборачивалась надежной опорой большой семьи, источником вдохновения начинающего писателя. Она была его первым читателем, самоучкой-критиком, интуитивно чувствующей верную интонацию, звонкую строку, энергию мысли. Помогала мужу бороться против сомнений, не досаждая упреками, несла на себе непростой груз повседневных забот. Их крепило нравственное единение и нерастратенная в быту любовь.

Вот почему они не пожелали расстаться на два года, когда мужа послали учиться в Москву на высшие литературные курсы. Заявиться в священное писательское гнездо страны со своим семейным кораблем из провинции — да ведь это нонсенс для элитных обитателей Переделкино. Но дети из далекого Хабаровска вели себя скромно, одеты чистенько, в песочницах с отпрысками именитых писателей в кулачные бои не вступали. Вот если только продавщица гоняла: трое ребятишек мал мала меньше стоят у витрины, где диковинные сласти – пастила, зефир в шоколаде, вафельные торты, и пальчиками по стеклу мечтательно тыкают. Что ж поделаешь, у отца на всю семью стипендия 80 рублей, не до зефира.

Сколько себя Мария Иосифовна помнит, не то, что роскоши, особого достатка в их семье не было. Обновки покупались в исключительных случаях. Даже в роддом поступила в гимнастерке без ремня, а с войны мечтала о гражданском пиджачке. Вечно она что-то перелицовывает, штопает, перешивает. И вся мебель не магазинная – шкафы, книжные стеллажи, кухонные шкафчики сработаны руками Владимира Ивановича, да так, что не уступят фабричным гарнитурам. Смастерил огромный круглый стол на мощной резной «ноге», под ним, как под волшебным зонтом в некоем царстве-государстве, неслышно играли дети, стараясь не наезжать на отцовские домашние тапочки, пока он работал над очередным романом. Это называлось «Отец за детьми присмотрит». А по большому счету пылинки с повзрослевших детей не сдували, к дармовому куску хлеба не приучали. Старшей, окончившей восемь классов, отец по-горьковски строго заметил про оборотную сторону медали, и пошла она получать специальность. Став десятником, на лесоповале в глухой тайге под ее началом работали сорок мужиков, в основном амнистированных. Их девчонка по наивности не боялась, а вот близ барачников змей...И мама кинулась в Селихино на подмогу.

Четвертого, Ванюшку, Мария Иосифовна родила в 36 лет. Из роддома ее забирали старшие дети. Отец был в двухмесячной экспедиции на Чукчагире: начиналась весна, и он на все лето, прихватив походный мольберт, уезжал на природу, питавшую его дух, фантазию, интеллектуальные силы. Без этих странствований по нехоженным тропам он не представлял высокого творчества.

И было закономерно с первыми звонками почтенного возраста, когда дети выросли, обрели свои семьи, уехать жить в Виноградовку. Пусть с печкой, дровами, водой из колодца. Но вот они – синие снега, близкий лес, и душа молодеет. Здесь хорошо работается. В Виноградовке были написаны две книги «Исповеди». Жизнь в глубинке ничуть не изменила многолетних невинных привычек Марии Иосифовны – хоть гостей и не предвидится, здоровье пошаливает, к столу она выходит при прическе, в опрятном платье, в домашнем халате и на кухне не появится. Возраст не помеха для женственности, как и для исповедального признания: «Я любил...Не знаю, откуда у меня брались силы, но я работал как одержимый, и все у меня получалось». Светлое обаяние этой немолодой семейной пары, в чьей жизни, как, может, ни в какой другой, отразилась судьба и душа старшего поколения, пожалуй, не уложишь в четкие формулы житейской добродетели. Но уж точно это о них поведал поэт «Кто скажет нам, что жить мы не умели?».

(2002 г.)

Интернет-ресурс: екатерина-рудик.рф